

# Избранные Fb-записи 2014 года

Category: Kitapcy, Ýol ýazgylary  
написано kitapcy | 24 января, 2025

Избранные Fb-записи 2014 года ИЗБРАННЫЕ FB-ЗАПИСИ 2014 ГОДА

*Сегодня свою подборку FB-записей представляет прозаик, журналист, лауреат премии «Дебют» в номинации «Эссеистика» (2014) и Всероссийского конкурса молодых журналистов-международников (2013).*

\* \* \*

...Я вспомнил, как приезжал сюда прошедшей зимой. Один. На автомобиле. Остановился в недорогой гостинице на Матисовом острове – месте необычном и показавшемся мне отчасти мистическим.

Я имел отдельную комнату с ванной и рабочим столом, придвинутым к окну с видом на вялую Пряжку. Я прекрасно помню, как страдал за ноутбуком, водруженным на этот стол, мучаясь от все продолжавшегося творческого кризиса. Волосы мои были взъерошены, глаза, скорее всего, навывкате.

Поздними вечерами я, как правило, развлекался тем, что отъезжал на машине метров на триста от гостиницы и пытался заглянуть в окна психиатрической больницы им. Николая Чудотворца, где вроде бы принудительно лечился великий русский поэт по фамилии Бродский. Будто замороженный рассматривал я бледные тени страждущих за зарешеченными окнами верхних этажей здания. Кем они были? Как им жилось? Какими заботами маялись их души в те промозглые дни?

Ответов на эти и другие вопросы я тогда не нашел, так же как не заполнил литерами и десятка страниц. Вместо этого я привез домой лежавшие с прошедшей осени пожелтевшие листья с могил великих предшественников – на так называемых Литературных мостках. Я всегда был человеком одиноким и развлечения имел своеобразные...

22 ноября 2014

\*\*\*

Бывает (впрочем, не часто), кто-то вдруг врывается в твою жизнь, нарушая привычный, давно установленный, ход вещей. Вихрь новых впечатлений ставит себе на службу все, что было у тебя прежде, решительно вороша страницы, которые ты уже и не думал перевернуть, и несет тебя дальше – в головокружительный опасный полет высоко над землей. С недоступного прежде ракурса ты глядишь на свое прошлое, всматриваясь в события, лица людей, с которыми ты был связан, планы, которые строил, и вдруг понимаешь, что все это кажется мелким, незначительным и вроде как даже не имело и не может иметь к тебе отношения.

Ты напишешь десятки тысяч букв, бросишь привычку спать, заболеешь, вылечишься и вновь заболеешь, но весь превратишься в желание – лишь бы не упасть, лишь бы не выпустить руки, лишь бы не дать этому вихрю остановиться.

Но все имеет свойство когда-нибудь заканчиваться – даже всесильное цунами, раскромсав все вокруг, в конце концов превращается в дым. Выброшенный на берег путник потерпевшего бедствие круиза, на котором планировал совершить путешествие длиною в жизнь, ты лежишь без сознания, в изодранной одежде, уткнувшись лицом в колючий холодный песок.

К тебе кто-то подходит и осторожно трогает за плечо, потом другой, третий – это те, от которых ты немногим ранее отстранился – они дают тебе воду и хлеб, приободряя и сжимая в крепких объятьях так, что ты начинаешь чувствовать их тепло.

Шаг, второй, третий. Когда-нибудь ты окрепнешь, и, пусть даже опустошенный, пойдешь дальше – в свое собственное никуда. И снова будут люди, и снова будут события, и снова планы – пусть мелкие и незначительные и вроде как не о тебе, но только они смогут помочь отвлечься от мыслей о той высоте, на которой ты волею случая когда-то побывал.

Но в первое время, добравшись до Большой Земли вертолетами, поездами и автомобилями, ты окажешься неспособным ни на что, кроме как кататься в полном безмолвии в кабинке колеса обозрения, плывущего над ночным городом. Круг за кругом, глядя лишь в одну точку, ничего не видя и, кажется, уже даже не

чувствуя.

Под тобой будут гореть огни многомиллионного города, готового предложить все, что бы ты ни захотел, но, вернувшись домой, ты войдешь в свою комнату, задвинешь занавески на окнах, ляжешь в постель и попытаешься заснуть так крепко, чтобы уже никогда не проснуться.

7 ноября 2014

## О ПАМЯТИ

Все те почти полтора года, что я работал на «МИРе», я ежедневно преодолевал сравнительно небольшой, но все же достаточно протяженный путь от дома на проспекте Маршала Жукова до штаб-квартиры организации, расположившейся на тихой Краснобогатырской улице, что в районе станции метро Преображенская площадь.

Если бы я решил отметить свои маршруты того времени на карте, то окрасил бы в багрово-красный отрезок ТТК от великолепного бизнес-центра на Беговой до съезда на ненавистную, тормозящую движение Русаковскую улицу. Я как-то шутил сам с собой, что «раскалил» эту дорогу своими шинами и ежедневно продолжаю поддерживать градус. В те темные времена я забросил центр города, где доселе часто слонялся, и когда однажды отправился по приглашению РСМД на Полянку, вроде как прозрел – я не вижу Москву, упускаю ее из вида, преимущественно глядя сквозь широкое окно на внутренний дворик офиса или наблюдая барачно-вокзальные постройки вдоль объездных путей.

Но дело не в этом. Русаковская улица после станции метро Сокольники переходит в Стромынку, и каждое утро я с интересом оглядывал один из расположившихся на ней домов. Здание красного кирпича с куполом за киношным забором и флигели с большими, но мрачными окнами.

Вообще говоря, район этот и его окрестности еще в конце XVIII века стали местом постройки больниц и богаделен, включая и дом презрения для неизлечимо больных. Ближе к офису располагалась Психиатрическая больница святого Николая Чудотворца, Московский городской суд, в чьем ведении находятся дела особо

опасных террористов, маньяков и безумцев, а также Богородское кладбище, на территории которого я в свое первое лето на службе любил проводить обеденный перерыв.

Так вот, в уже упомянутом здании на Стромынке и сейчас лечат или дают умереть неизлечимо больным. Онкология, туберкулез, СПИД – вот чем пропитаны эти толстые стены, вот от чего надтреснула краска и покосился забор. Там, за этими стенами, боль и отчаяние, а главное – беспомощность тех, кто узнал о своем, как водится, внезапном приговоре и тех, кто вроде бы должен их вылечить, а по сути, просто немного облегчить страдания.

Каждый раз, когда я проезжал это здание, я вспоминал один морозный зимний день. Кажется, календарем заправлял 2006-й. Я был переполнен надеждами и мечтами, забит под завязку уверенностью в собственных силах и, казалось, держал в руках счастливую звезду. Но в тот самый день я нес пятилитровый баллон с водой, ручка которого словно остро заточенный нож вонзалась в одубевшую от истинно собачьего холода кожу. Рядом шла моя тетя – в руках у нее был черный пакет с продуктами.

(Подбирая слова для начала следующего предложения, глянул в окно – там, по второму уровню эстакады, медленно проехал изящный катафалк).

Насколько помню, я негодовал – посещение больниц не было моим излюбленным хобби, а родственников, которые то приезжали, то уезжали,

порядком изможденные букетами болезней, всегда хватало. Жестокий настолько, насколько могут быть жестоки только подростки, я не понимал, зачем нужно было тратить на это мое время, время, которое, я верил, должно было быть полностью посвящено последовательному карабканию на небеса.

На втором этаже туберкулезного отделения нам сказали, чтобы мы подождали, пока позовут Рустама. Я с облегчением бросил воду на стоявшую у стены каталку и повернулся к окну. По дороге ехали автомобили; звеня, по рельсам проплыл трамвай. Я не мог тогда и догадываться, что в одном из автомобилей еду я сам и мельком смотрю в окно, которое кажется мне мрачным – там ведь нет жизни, нет меня самого, а только горстка разбитых

вдребезги надежд и сотня-другая острых кадыков и выпученных глаз неизлечимо больных.

Рустам, покачиваясь, вышел. Он держался за нечистую стену, но, не простояв и десятка секунд, вдруг рухнул на каталку.

– Одели как интеллигента, – подмигнул он мне, оглядывая свою пижаму – пенсионерская ночная рубаха и широкие шаровары в цвет.

– Как ты? – спросил я, поймав себя на мысли, что стараюсь не дышать.

Несмотря на то, что все детство я провел в больницах **Туркмении**, Беларуси, Турции, я ужасно боялся, что называется, «подцепить заразу» – умереть от глупой болезни. Начитавшийся биографий великих, я считал, что настоящий мужчина погибает в бою или сам обставляет свою гибель – совершает, на пример Мисимы, харакири или, как Маяковский, стреляет себе в сердце. На худой конец настоящий мужчина, был убежден я, должен быть замучен в застенках за свои взгляды – кашляющий в воротник арестантского тулупа, выпускает дух, отбрасывая с презрением очередное предложение властямущих. О возможности спокойной обывательской жизни и, как следствие, спокойной, без надрыва, смерти, я тогда даже не думал.

Между тем, Рустам умирал.

Я был на его свадьбе несколькими годами ранее. «Джи'ин» – домашнее празднество за закрытыми воротами в дань уважения к семье погибшего незадолго до этого моего дяди Хасана. Невеста была настоящей красавицей – помню, как любовался ею, когда она, согласно традиции, потупив взор, стояла в углу одной из комнат бабушкиного дома.

Отцовского дома у него, вспомнил позже, никогда не было...

Рустам был счастлив – он был молод, влюблен и верил, что впереди его ждет целая жизнь. Этот союз подарил моего любимого племянника Алана, а затем сам собой распался.

Наверное, уже тогда было понятно, что он не жилец, а может, это и стало причиной расставания – зачем тратить время на то, что неизбежно потеряешь?! Не каждый человек способен на подвиг и не думаю, что за это стоит кого-то винить. Ребенку, оставшемуся с отцом, нужна была мама, и Рустам, растоптав

собственное сердце, быстро женился во второй раз. Возможно, этим он хотел привлечь внимание и той, кого, как я полагаю, любил до последнего вздоха.

Прекрасно осознавая то, что ему предстояло, Рустам все же продолжал бороться за жизнь – немного окрепнув, стал качаться на турниках во дворе больницы, а выписан был и вовсе за драку. – Он неудачно упал на кафель, – рассказывал он о провинившемся, – потерял сознание.

Рустам, это было ясно, стал прощаться. Я видел, как он цеплялся за жизнь – какими яркими красками окрашивались для него вроде бы обыденные вещи.

– Извини, что раньше с тобой так не общался, – сказал он как-то, вдыхая табачный дым, – все-таки большая разница в возрасте.

Он благодарил через меня маму и папу за ту поддержку, которую они ему всегда оказывали. Не знаю, почему он тогда не плакал. Потом он вернулся в Гудермес, умирать.

А в ночь своей смерти, говорят близкие, попросил тазик с водой – подстриг ногти, привел себя в порядок и лег под все затихающий бой сердца.

Так вот, каждый раз, когда я проезжал Стромынку, я думал о Рустаме. Я хотел ворваться на второй этаж западного флигеля и потребовать, чтобы его вывели, а сам бы уставился в окно на ехавшего на службу себя.

Но нет, постепенно воспоминания эти стали отступать. Боль, заслонившая жизнь, растворилась на мелкие иголки, которые только и способны, что изредка царапнуть сердце. Память, переполненная событиями новых дней, стала стираться без права восстановления.

Как говорила героиня небезызвестного фильма – *After all, tomorrow is another day.*

29 сентября 2014

\* \* \*

Несколько дней назад, возвращаясь на автомобиле с работы, я заметил на обочине Третьего Транспортного собаку. Собака

бежала против движения, размахивая большими ушами-лопухами. Мне показалось, что собака эта должна быть охотничьей породы – во всяком случае, именно таких содержал мой брат Алихан, чтобы ходить с ними на утиную охоту за Терек.

Я бросил машину и побежал за ней.

Пёс, заметив погоню, пересек одну из частей дороги – съезд с ТТК на Беговую – и остановился на островке безопасности, заросшем пыльной придорожной травой. Я огляделся – бомбилы у метро, обильно жестикулируя, обсуждали мою пробежку, а автомобильный поток непрерывно двигался со скоростью не менее 70-80 км/ч. Избежать столкновения с подвижным непредсказуемым препятствием на такой скорости было практически невозможно. Пёс остановился на самой узкой части островка, и, нервически помахивая головой, пытался понять, что же ему делать дальше.

Я перешел с бега на шаг, а затем и вовсе остановился. Животное в таком состоянии может повести себя неадекватно и наброситься даже на своего спасителя.

– Иди сюда, – сказал я псу, осторожно приближаясь.

Он обернулся – в глазах сплошной ужас – и понесся прочь. Снова выбежав на дорогу, он, что называется, поддал газу и понесся навстречу своей неизбежной гибели. Спасти его я не смог.

\* \* \*

Сегодня ехал по Звенигородскому шоссе, разговаривал по телефону. Скорость 80-90 км/ч. Вдруг, посреди дороги, увидел черный комочек – без сомнений, это должен был быть котенок.

Я остановился на обочине и секунду-другую колебался. Я планировал заехать по дороге в МакАвто и съесть рулет с курицей, не выходя из машины.

Я стал осторожно сдавать назад, а увидев его снова, быстро перестроился в крайний левый ряд. Включил аварийку, открыл багажник, выставил знак аварийной остановки. И понеслась.

Перемахнув через грязное металлическое ограждение, я оказался посреди Звенигородского шоссе. Там, посреди – вы, наверное, этого не знаете, так же как и я до сего дня – обрыв, в котором виднеются крыши проезжающих по дну обрыва автомобилей.

Поравнявшись с котенком, я осторожно позвал его. Тот, естественно, начал бежать прочь. Я очень боялся, что он упадет в этот обрыв или бросится под колеса несущихся мимо автомобилей и погибнет прямо на моих глазах.

Как он оказался здесь и кем мог быть тот, кто его выбросил посреди оживленной автострады – другие вопросы, которые тревожили меня в тот момент.

Я бегал за ним сперва в одну сторону, потом в другую. Наконец обманул. Вытянув одну руку, схватил сзади. Он поцарапал, а потом и вовсе прокусил мне кожу, но выпускать его я уже не собирался.

Вернувшись к машине, осмотрел себя – я был весь в грязи. Положил Черныша, как я его тут же прозвал, в сумочку от насоса и поехал к дому. Кажется, я уравнивал ситуацию с тем псом. Никому котенок не нужен, а?

14 июня 2014

\* \* \*

Сегодня приснился Рустам – впервые за много лет. Он пересел за руль моей (?!) потрепанной «Волги», отправив нас с Д. в горы на другой машине – Камазе. Сам должен был ехать следом. Дорога, словно путь к высокогорному чеченскому озеру Кезеной-Ам – узкий серпантин в тумане. Гололед и мелкий колючий снег. В общем, приехав на какую-то вершину, я опомнился, что давно не видел в зеркале заднего вида «Волгу». Позвонил Рустаму.

Он снял трубку, сказал, что попал в небольшое ДТП и ждет эвакуатора. Помню, я разозлился на него – машина была вроде бы куплена совсем недавно, а уже разбита.

– Сильно помялась? – осторожно поинтересовался я, стараясь не обидеть брата.

– Ну так, – уклончиво ответил он. – Отвезу к своему человеку, он посмотрит.

Я хотел спуститься (расстроился, что отдых испорчен – там, на вершине, почему-то виднелся подмосковный пансионат «Липки»), но Рустам стал отговаривать – отдыхайте, мол, спокойно. О том, что он давно умер, я в этом сне так и не вспомнил.

18 апреля 2014.

Арслан ХАСАВОВ. Ўол ýazgylary